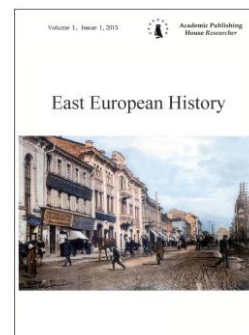


Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic  
 East European History  
 Has been issued since 2015.  
 E-ISSN: 2500-1310  
 2020, 6(1): 14-23

DOI: 10.13187/eeh.2020.1.14  
[www.ejournal49.com](http://www.ejournal49.com)



## Reviews

### People of the Borderland between the Russian State and the Ottoman Empire: A New Book by D.V. Sen'

Artyom Y. Peretyatko <sup>a, b, \*</sup>

<sup>a</sup> International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

<sup>b</sup> Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

#### Abstract

The historiography of the Cossacks is experiencing an unprecedented quantitative rise at the present time. However, there is no similar qualitative growth in new research. Many works talk about the introduction of new concepts and ideas into scientific circulation. But often such works do not live up to expectations: their authors simply rename already known processes, without introducing anything fundamentally new in the interpretation of these processes. A reverse example of the successful application of a relatively new research concept (the concept of frontier) is the book by D.V. Sen' « Russian-Crimean-Ottoman borderlands: area, phenomena, people (late 17th – 18th centuries)». In it, the use of a new concept is not an end in itself, but a tool to «change the necessary research optics». As shown in the review, such a «change optics» not only puts fundamentally new, little-studied plots at the center of the narrative, but also changes the logic of the author's narrative. As a result, the book is characterized by increased attention to «people of the borderlands», whose history is valuable in itself, regardless of the connection with Russian history. The inevitable payment for this is the pushing back of the more traditional plots for historiography to the periphery of the narrative.

**Keywords:** the Russian state, the Crimean Khanate, the Ottoman Empire, the Cossacks, the concept of the frontier, borderlands, questions of the methodology of history, D.V. Sen'.

Историография казачества в наши дни переживает небывалый количественный рост. Согласно расчетам И.Ю. Юрченко, в 2018 г. только в РИНЦ было зарегистрировано 932 текста о казачестве, что больше, чем за любой предыдущий год (Юрченко, 2019: 119). Для сравнения, в 2011 г. было издано около 200 работ о казачестве, а за десятилетие 1981–1990 гг. – менее 200 работ (Юрченко, 2013: 125). Однако едва ли представляется возможным говорить о сколько-либо сравнимом качественном росте историографии казачества. Нам представляется, что это связано в том числе и с серьезными методологическими проблемами: исследовательские концепции и идеи, освоенные еще в советское время, в определенной степени выработали свой потенциал, а попытки заменить их чем-то принципиально новым часто носят скорее декларативный характер и не подтверждаются содержанием исследований. На этот счет хорошо высказался известный кубанский историк О.В. Матвеев, оценивая работы ряда своих коллег: «Казалось бы, новые

\* Corresponding author

E-mail addresses: [ArtPeretatko@yandex.ru](mailto:ArtPeretatko@yandex.ru) (A.Yu. Peretyatko)

теоретические постулаты выверены, стратегия и методы определены, необходимый корпус источников обозначен – хотелось бы видеть результаты. Увы, они невелики: создается впечатление, что жанр деклараций в лучшем случае, компиляция собранного любителями кавказской старины за два столетия фактического материала и встраивание его в модные теоретические схемы в худшем, оказались для многих предпочтительнее кропотливых архивных и полевых разысканий» (Матвеев, 2013: 342).

Приведем крайне характерный, на наш взгляд, пример. В последние десятилетия известнейший ростовский историк Р.Г. Тикиджьян выступает за необходимость исследования донского казачества с использованием концепта модернизации. Ему даже принадлежит статья «Проблемы историософского осмысления российской «догоняющей» модернизации и процессов трансформации донского казачьего сообщества» (Тикиджьян, 2010). В ней он утверждает, в частности, что историю Дона второй половины XIX в. не следует делить на «Великие реформы 60-70 гг.» и «контрреформы 80-90 гг.», но нужно рассматривать как «единый модернизационный процесс». Однако совершенно не ясно, что даст такой подход, и к каким новым выводам он позволит прийти: далее Р.Г. Тикиджьян только пишет, что процесс модернизации вел к «постепенному исчезновению социально-правового статуса казачества» (Тикиджьян, 2010: 468-481). Но о «расслоении казачества» во второй половине XIX в. совершенно ясно писали еще в советском сборнике документов «Наш край» 1963 г. издания (его редактором, кстати, был крупнейший советский специалист по истории Области Войска Донского в 1860-1890 гг. И.П. Хлыстов) (Наш край..., 1963: 188). Приводились в этом сборнике и документы о том, как сходы оказывались под влиянием богатых казаков, и из-за их спекуляций бедняки теряли свои земельные паи (Наш край..., 1963: 190). В итоге советский сборник документов, хотя и содержащий неизбежные политические искажения и несколько устаревший концептуально, гораздо лучше иллюстрирует сам процесс «постепенного исчезновения социально-правового статуса казачества», чем современная статья Р.Г. Тикиджьяна.

В итоге в 2019 г. с критикой последнего выступил А.А. Волвенко, автор принципиально значимых работ о реформах 1860–1870 гг. на Дону, причем работ по преимуществу посвященных «событийной истории», описанию прежде неизвестных фактов, а не их обобщению в рамках современных теорий. А.А. Волвенко прямо заявил, что из работ Р.Г. Тикиджьяна «понять, как же конкретно при помощи модернизационного концепта выстраивается логика авторского нарратива, не представляется возможным» (Волвенко, 2019: 50). С нашей точки зрения, нарратив Р.Г. Тикиджьяна о второй половине XIX в. построен по той же логике, что и у советских историков, просто термин «развитие капиталистических отношений» заменяется термином «модернизация», и делается акцент на единстве процессов этого периода в казачьей среде. Но все тот же И.П. Хлыстов признавал это единство еще в 1960 гг., и посвятил одну из своих книг как раз 1860–1890 гг., трактуя их как единый период становления и развития капиталистических отношений на Дону (Хлыстов, 1962).

И, понятно, попытки декларативной новизны, сводящейся к переименованию уже известных процессов, на самом деле компрометируют новые идеи и методы в среде историков, занимающихся исследованием казачества. Так, А.А. Волвенко по итогам критики Р.Г. Тикиджьяна приходит к выводу о том, что нет основания считать сам концепт модернизации эффективным при изучении наиболее близких ему исследовательских тем (Волвенко, 2019: 53). Складывается парадоксальная ситуация. Не претендующие на концептуальную новизну работы А.А. Волвенко открывают новые пути в исследовании донского казачества (в частности, он изучает реформы казачьих войск 1860–1870 гг. с позиции имперских властей, делая акцент на их логике и планах, восстановленных на основе архивных документов, чем специально не занимались предыдущие поколения историков). Работы же Р.Г. Тикиджьяна о модернизации, несмотря на заявленную попытку применить к казачьей истории новый и потенциально интересный концепт, фактически предлагают только переименование уже известных процессов, хотя и, на наш взгляд, в целом обоснованное.

И в этих условиях особенно ценны и заслуживают внимания удачные работы, основанные на новых идеях, исследования, в которых, перефразируя А.А. Волвенко, сама логика авторского нарратива определяется новыми концептами. Примером подобного

исследования, на наш взгляд, может служить книга Д.В. Сеня «Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.)» (Сень, 2020). Дело в том, что Д.В. Сеня в своих исторических изысканиях широко применяет концепт фронта. При этом историк прекрасно понимает, зачем ему нужен этот концепт, и почему без него нельзя обойтись. Как пишет Д.В. Сеня, он пытается с его помощью «изменить необходимую исследовательскую оптику», т.е. сконцентрировать внимание на прежде не привлекавших должного внимания историков сюжетах (Сень, 2020: 18). Таким образом, концепт фронта выступает для него не целью, а средством, инструментом, который «принципиально меняет исследовательский фокус: центральным становится не описание крупных общественных единиц и идентичностей, но отношение индивидуумов к этим идентичностям, описание различий, не сводимых к обратному тяготению фронтальной периферии к своему историческому/культурному ядру» (Сень, 2020: 20-21).

Подобное «изменение оптики», использование принципиально новых, не применявшихся в советской исторической науке идей, характерно для Д.В. Сеня достаточно давно. И оно действительно позволило прийти к выводам настолько новым и оригинальным, что они еще на рубеже 2000–2010 гг. провоцировали серьезные споры и неприятие. Дело в том, что для «классического национального исторического нарратива» характерно «особое внимание жертвенно-виктимным и героическим аспектам национальной истории» (Лагно, 2020: 129-130). И как дореволюционный, так и советский нарратив по истории казачества носил преимущественно классический национальный характер, в рамках которого вопросу о отношениях казаков с Россией придавалось наибольшее значение, а сами казаки выступали или героями (воинственными защитниками земли русской) или мучениками (борцами за свободу). Характерно, что известнейший историк казачества С.Г. Сватиков уже в эмиграции назвал свой важнейший труд «Россия и Дон» (Сватиков, 1924). А обращение Д.В. Сеня к концепту фронта повлекло существенное изменение его нарратива, в центре которого оказалось не государство или нация, но само пограничье как специфический исторический и культурный феномен. В результате уже в ранних работах Д.В. Сеня возникла мысль о том, что причерноморское пограничье XVII-XVIII вв. не следует трактовать как зону преимущественно российских интересов, а казаки на этом пограничье жили, а не служили Российскому государству (русский царь и османский султан могли представлять для них равностатусными фигурами). Показательно, что ряд краснодарских историков после публикации этих работ обвинил Д.В. Сеня не просто в ошибочной интерпретации фактов, но в «ярко выраженной политической ангажированности» (Васильев, Зудин, 2011: 31). Это лучше всего показывает, что «изменение оптики» Д.В. Сенем, опора на концепт фронта, действительно оказалось новым словом в историографии казачества, и критике со стороны коллег был подвергнут не столько методологический аппарат историка, сколько те новые и неожиданные выводы, к которым он пришел с помощью этого аппарата.

К настоящему времени очевидно, что Д.В. Сеня является одним из крупнейших исследователей казачества XVII-XVIII вв., а его работы, пускай и порой дискуссионные, далеки от политической ангажированности. Регулярно историк обращается и к более широким, концептуальным вопросам фронтальных исследований. В частности, в 2020 г. он опубликовал проблемную статью «Frontier research in present-day Russia: shaky boundaries of the academic dialogue» (Sen', 2020). По ее итогам на страницах журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» состоялась дискуссия, в рамках которой Д.В. Сеня предельно ясно раскрыл свои актуальные взгляды на концепт фронта и методологию фронтальных исследований (Басалаева и др., 2020).

Итак, по мнению Д.В. Сеня, изначально негативное отношение части отечественных исследователей к теории фронта было вызвано скорее нетерпимостью по отношению к «чужой», пришедшей с Запада теории, чем с какими-то реальными опасностями ее применения по отношению к отечественной истории (Басалаева и др., 2020: 97). В то же время историк соглашается с тем, что единой общепринятой концепции фронта не существует, и на данный момент в отечественной историографии наблюдается определенная «усталость» от фронтальных исследований (Басалаева и др., 2020: 96-100). Д.В. Сеня снова подчеркивает, что применение концепта фронта есть не самоцель, а инструмент, и уточняет, что именно позволяет увидеть фронтальная «исследовательская оптика»:

«Операциональные возможности концепта фронта исключительно велики – с его помощью успешно описываются случаи и явления, не «попадающие» в пространство многих других концептов и методик, инструментарий которых маргинализирует (объявляя, по сути, неисторичным) многочисленные культурные процессы на территории обширных переходных зон» (Басалаева и др., 2020: 98). Более того, с его точки зрения, очень важно понимать, что фронтальные исследования представляют собой «только одно из направлений современной междисциплинарной практики по изучению границ и пограничий» (Басалаева и др., 2020: 99). И, наконец, Д.В. Сень утверждает, что в настоящее время среди отечественных исследователей начинает преобладать тенденция к изучению фронтов как «зон коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» (определение дано А. Каппелером) (Басалаева и др., 2020: 96).

Таким образом, книга «Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII-XVIII в.)» Д.В. Сень носит далеко не декларативный характер. Ее автор уже неоднократно презентовал научному сообществу свои воззрения на концепт фронта и показал перспективность использования данного концепта. Речь идет именно о развитии идей, внесенных в историографию казачества в постсоветский период, но уже потерявших сенсационную новизну, и даже, по признанию самого Д.В. Сень, вызывающих определенную «усталость». И именно естественная, не нарочитая новизна многих сюжетов, вовлекаемых Д.В. Сенем в научный оборот является, на наш взгляд, главным достоинством его работы. Историк не акцентирует внимание на своих открытиях и не гонится за ними: его подталкивает к ним изменение «исследовательской оптики».

Наиболее важные особенности новой книги Д.В. Сень хорошо раскрыл автор предисловия к ней, В.В. Трепавлов. И почти все эти особенности проистекают именно из того, что Д.В. Сень не просто использует концепт фронта, но основывает на нем свое исследование, меняет не терминологию, но самую логику исследования. Так, В.В. Трепавлов отмечает тот факт, что в новой книге удалось избежать «устоявшейся в отечественной историографии руссоцентристской методологии освещения исторических процессов» (Сень, 2020: 13). Нетрудно понять, что именно за отказ Д.В. Сень рассматривать исторические события с точки зрения интересов Российского государства его когда-то критиковали коллеги. Отдельные рецидивы подобной критики встречаются и сейчас: например, Н.И. Никитин в 2018 г. в статье «Взаимоотношения вольного казачества и Российского государства в XVI – начале XVIII в.: историографические подходы и исторические реалии» заявляет о недооценке Д.В. Сенем «привязанности казаков к Москве как к духовному центру» (Никитин, 2018: 30). Мы еще отметим, что определенное рациональное зерно в подобной критике есть, однако как раз отказ от руссоцентристской методологии позволил Д.В. Сению обратить внимание на прежде малоисследуемые сюжеты.

Ярчайшей иллюстрацией этого может служить интерес историка к ахреям, подданным московских государей (включая казаков), перешедшим в подданство Османской империи и Крымскому ханству (Сень, 2020: 37). Вполне естественно, что в рамках «классического национального исторического нарратива» эта категория населения не привлекала особого внимания историков, и если упоминалась, то с негативной коннотацией, как «антигерои» (Сень, 2020: 38). Между тем, как убедительно доказывает Д.В. Сень, ахреяне были достаточно многочисленны и оказывали влияние на события русско-крымско-османского пограничья. Так, он приводит информацию о том, что после взятия русскими войсками Азова в 1696 г. в плену оказалось около 3 000 турок (включая их членов семей и некоторых других жителей Азова) и 500 ахреян (Сень, 2020: 47). Более того, Д.В. Сень приводит ряд свидетельств современников осады Азова в 1696 г. о том, что именно ахреяне выступали одними из самых убежденных защитников города, в самом характерном из которых вообще написано: «Хотят сдать город турки, но охреяны возбраняют» (Сень, 2020: 43). После таких доказательств нельзя не согласиться с исследователем в том, что ахреяне играли заметную роль в жизни Азова конца XVII в., и заслуживают отдельного исследования (Сень, 2020: 38).

И в итоге ахреяне начинают активно исследоваться Д.В. Сенем, причем не как «антигерои» или предатели русских интересов, но как интереснейшая группа населения русско-крымско-османского пограничья, к которой не применяются ни позитивные, ни

негативные оценки. Историк показывает, что само понятие «ахреянин» было неоднозначным и его значение трансформировалось. Изначально, непосредственно после появления этого термина в источниках XVII в., он достаточно четко применялся для обозначения лиц, перешедших из православной веры в мусульманство (Сень, 2020: 167). Однако к концу столетия ситуация меняется: теперь под ахреями нередко подразумеваются раскольники, мусульманство не принявшие, но, с точки зрения русских источников, «изменившие» Российскому государству (Сень, 2020: 167). Д.В. Сень убедительно доказывает, что к этому времени ахреями назывались некие конкретные группы людей, бежавшие из России (включая казачьи области) под крымскую и турецкую власть, причем не все эти группы (Сень, 2020: 167-168). В связи с этим он приводит интересное определение ахреян Г.В. Вернадским, согласно которому это были «представители вольной русской колонизации, враждебной русскому государству» (Сень, 2020: 168). Таким образом, из некоей незначительной маргинальной общности, исторического казуса, немногочисленных перебежчиков-изменников, ахреяне превращаются в значимый фактор русско-крымско-османского пограничья, людей, не только сыгравших роль в обороне Азова, но и, например, служивших посредниками при передаче информации между донскими казаками и османскими властями (Сень, 2020: 150-154).

Проблема, однако, заключается в том, что изменение «исследовательской оптики» неизбежно ведет не только к достижениям, но и к потерям. Если внимание историка переключается на новые сюжеты, старым неизбежно начинает уделяться меньше внимания. И, если рассматривать книгу Д.В. Сени изолированно, вне историографического контекста, ее автора действительно можно обвинить в необъективности, причем это будет необъективность самой логики авторского нарратива, а не обращения с отдельными фактами. Поскольку Д.В. Сень пограничье интересуется прежде всего как «зона коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой», в центре его внимания неизбежно оказываются преимущественно случаи коммуникации, а не конфронтации находящихся по разные стороны границы сообществ. В итоге, например, ахреям специально посвящено два подраздела его работы (Сень, 2020: 36-50, 135-169). Три подраздела посвящены Булавиному восстанию и лидерам донских и кубанских казаков-старообрядцев (Сень, 2020: 201-212, 271-285). А вот более традиционные сюжеты борьбы казаков и мусульман или побед России над Крымским ханством и Османской империей оказываются вытеснены на периферию повествования. Например, у Д.В. Сени взятие Азова в 1696 г. нигде не предстает самоценной победой русского оружия, но везде оказывается частью других, заметно более экзотических сюжетов (не только участия ахреян в обороне этой крепости, но и, например, влияния Азовских походов на внутреннюю ситуацию в Крымском ханстве (Сень, 2020: 25-35)). В итоге у читателя, не знакомого с другой литературой по теме, книга Д.В. Сени действительно может сформировать совершенно превратное представление о русско-крымско-османском пограничье и о казачестве XVII-XVIII вв.

И это приводит нас к еще одному любопытному выводу. Возможно, «изменение оптики», повышенное внимание к важным, но не определяющим сюжетам, прежде не привлекавшим особого внимания историков, оправдано и необходимо только для тех периодов истории, которые уже достаточно изучены. «Классический национальный исторический нарратив» о казачьих войсках XVII-XVIII вв. достаточно качествен и разнообразен. Можно отметить классическую «Землю Донскую в XVIII веке» А.П. Пронштейна (Пронштейн, 1961), «Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)» Н.А. Мининкова (Мининков, 1998) и другие работы. Сам Д.В. Сень постоянно делает отсылки к трудам своих предшественников, то соглашаясь, то полемизируя с ними. И именно поэтому его книгу нельзя рассматривать изолированно: она представляет собой именно развитие сложившейся историографии, не полноценное описание русско-крымско-османского пограничья, но описание преимущественно малоизученных и экзотических сюжетов, связанных с этой темой. Безусловно, такой подход не лишен недостатков, и, возможно, в каких-то моментах Д.В. Сень преувеличивает значение коммуникационных процессов между православным и мусульманским мирами в Северном Причерноморье XVII-XVIII вв., и, напротив, недооценивает значение процессов конфронтационных. Однако любая

«исследовательская оптика» неизбежно ведет к искажениям, и их нужно воспринимать как своеобразную плату за достигаемые с помощью этой оптики открытия.

Однако оправдано ли применение новых и дискуссионных исторических концептов к менее изученным периодам истории казачества? Возвращаясь к приведенному нами примеру с концептом модернизации, мы должны отметить, что история Войска Донского второй половины XIX в. еще недостаточно описана в рамках «классического исторического нарратива». И лучшие современные работы по ней, принадлежащие А.А. Волвенко, как мы уже писали выше, достаточно традиционны методологически. Не будет ли в такой историографической ситуации применение новых концептов куда более опасным именно потому, что даже фактографическая канва событий изучена гораздо меньше, и вместо поиска новой «исследовательской оптики», позволяющей открывать новые факты и сюжеты, мы можем получить подстраивание исторического процесса под «модные теоретические схемы»? В любом случае, к книге Д.В. Сеня это не относится. Возможность «изменить оптику» ему дало именно знание уже существующих работ, дополнением, а не заменой которых служит его книга.

Исследование истории фронта, а не национальной истории, и соответствующее изменение логики авторского нарратива позволило Д.В. Сеню, как совершенно справедливо отмечает В.В. Трепавлов, избежать и устоявшихся историографических схем (Сень, 2020: 13). Вместо схемы «Россия против Турции» или «казаки на службе России против турок и татар» историк предлагает «сложную систему взаимоотношений различных политических и этнических сторон и сил в данном регионе» (Сень, 2020: 13). Плюсы данного подхода для расширения поля исторического исследования очевидны. Если в своих прежних авторских книгах Д.В. Сень выступал как исследователь казачества, то его новое исследование не в меньшей степени посвящено истории Крымского ханства. Более того, и в этой области, он, по собственному признанию, высказывает новые идеи, противоречащие господствующему в историографии мнению о «неизменном характере набеговой системы <...> ханства и о якобы predetermined характере его исторической судьбы в XVIII в.» (Сень, 2020: 18). Такой подход, независимо от его обоснованности (мы все же не решимся высказывать свое мнение по данному поводу) потенциально интересен как минимум в том плане, что в результате его применения резко повышается значение некоторых аспектов крымской истории XVIII в. Из обреченного на присоединение объекта русской политики это государственное образование превращается в самостоятельный субъект, решения элит которого были не менее важны, чем, например, решения казачьих элит. Не случайно целый ряд подразделов книги Д.В. Сеня посвящен фигуре кубанского султана Бахты-Гирея из ханского дома Гиреев, и историк делает вывод о том, что «источниковедение истории элит Крымского ханства – одно из самых перспективных исследовательских направлений» (Сень, 2020: 303). Между тем, недостаточно исследованной остается даже сама история династии Гиреев (Сень, 2020: 286).

Однако отсутствие ярко выраженной схемы, в которую бы укладывался материал научного исследования, имеет как очевидные плюсы, так и некоторые минусы. Тут нужно оговорить, что сама подача материала новой книге Д.В. Сеня носит крайне фрагментарный характер. Безусловно, это можно связать с жанром исследования (сборник избранных статей), и все же, как нам кажется, причины несколько глубже. Мы снова возвращаемся к проблеме авторского нарратива, основанного на особой «исследовательской оптике». Когда историк работает с хорошо изученными сюжетами, он обычно сталкивается с проблемой избытка материала и разрешает ее путем отбора тех фактов и сюжетов, которые в наибольшей степени соответствуют его идеям и концептам. В результате в исследовании, как правило, можно четко проследить ту или иную схему. Но при применении новой «исследовательской оптики» и обращении к новым историческим сюжетам историк подобной возможности лишен. Например, история элит Крымского ханства и дома Гиреев раскрывается Д.В. Сенем преимущественно через разные аспекты биографии Бахты-Гирея. Однако это в определенной степени вынужденный шаг: как подчеркивает сам автор, «современная историография насчитывает ограниченное количество работ, связанных с исследованием биографий Гиреев «второго плана» (Сень, 2020: 291). В подобной ситуации, очевидно, не историк владеет материалом, а материал владеет историком, и он, стремясь к объективности и вводя в научный оборот новые материалы, будет «насыщать нарратив»

(выражение А.А. Волвенко) сюжетами и фактами, нейтральными по отношению к его идеям и концептам (Волвенко, 2019: 60).

И все же, на наш взгляд, сама логика концепта фронта в интерпретации Д.В. Сеня подталкивает его к использованию определенной схемы. Насколько эта схема более объективна, по сравнению с традиционными схемами истории Юга России XVII-XVIII вв. – вопрос дискуссионный. Бесспорным, однако, представляется то, что эта схема просто другая, и она логически проистекает из всех тех особенностей исследований Д.В. Сеня, которые мы описывали выше. Прямо эту схему историк нигде не формулирует как раз в силу фрагментарности своего исследования, концентрации на прежде малоизученных частных фактах и сюжетах (а, возможно, и осознанно, понимая, что в полной мере обосновать эту схему не позволяет недостаток фактического материала). Тем не менее, на наш взгляд, работа Д.В. Сеня не просто лишена руссоцентричности и трактует фронт как зону коммуникации, а не конфронтации. В ней именно проглядывают черты подчинения логики авторского нарратива новой, нетрадиционной историографической схеме. Мы бы сформулировали эту схему как «люди пограничья между Российским государством и Османской империей».

Разумеется, как и любая читательская интерпретация, эта схема несколько условна. Однако она хорошо объясняет саму научную эволюцию Д.В. Сеня. Казаки, ахреяне, ногайцы, крымские татары предстают для него не столько как враги, разделенные границей православного и мусульманского миров, сколько как «люди пограничья» (он сам использует подобный термин (Сень, 2020: 24), живущие в схожих условиях одной географическо-исторической области. История каждой из этих групп рассматривается как принципиально важная для понимания истории пограничья в целом, независимо от их дальнейшей судьбы и вклада в усиление Российского государства. А Российское государство и Османская империя хотя и имеют на территории пограничья опорные точки и вассальные общности, но выступают скорее в качестве внешних сил, взаимодействующих с «людьми пограничья». И, наконец, между «людьми пограничья» в рамках этой схемы нет неразрешимых противоречий – даже с связи с темой плена и рабства Д.В. Сень предпочитает говорить о «культуре пограничного диалога в условиях вынужденного соседства», когда важнейшей частью рабовладельческих отношений становится возможность выкупа раба соплеменниками (Сень, 2020: 172).

Большая часть подразделов книги Д.В. Сеня, ранее опубликованных в качестве самостоятельных статей, вполне укладываются в эту схему. Особенно показательным, что весь первый раздел книги (шесть подразделов) посвящены Азаку-Азову (Сень, 2020: 25-120). И Азов предстает в ней как ключевая точка, в которой сходятся интересы и культуры всех «действующих лиц» пограничья: тут живут ахреяне, русская администрация здесь использует толмачей и переводчиков для контактов с представителями других народов, переход города под власть России влияет на крымцев и ногайцев... Однако «укладываться в схему» и «подтверждать схему» – разные вещи. Именно потому, что Д.В. Сень концентрируется на частных вопросах, не пытаясь доказать правильность своих более общих воззрений, а его работа все же в большей степени посвящена «насыщению нарратива», чем системному описанию русско-крымско-османского пограничья, фрагментарность становится важнейшей сущностной особенностью его книги. В общем виде мы бы сформулировали описанную проблему следующим образом. «Изменение оптики» исследования Д.В. Сеня неизбежно повлекло за собой отказ от традиционных историографических схем. Им на смену пришла новая схема, очевидно прослеживаемая в книге, но не являющаяся ее смысловым центром. Вместо этого смысловым центром повествования стало «насыщение нарратива» новыми фактами и сюжетами, открытыми благодаря «изменению оптики». В итоге богатство фактов, за которыми схема только угадывается, повлияла и на стилистику повествования Д.В. Сеня: она получилась фактографически перенасыщенной, фрагментарной, а отдельные подразделы его работы, на наш взгляд, даже трудны для понимания историков, занимающихся другими периодами (например, повествование про Бахты-Гирея начинается с подраздела, характеризующего источниковую базу, в которой нашли отражения действия этой фигуры, но при этом связной биографии Бахты-Гирея не приводится (Сень, 2020: 286-303).

Подведем итог всему вышесказанному. «Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII-XVIII в.)» Д.В. Сеня получились очень яркой и своеобразной книгой, показывающей, какой могла бы быть постсоветская историография казачества. Ее новизна основана на применении привнесенного в отечественную историографию извне, с Запада, после распада СССР концепта фронта. Но при этом Д.В. Сеня далек от распространенной в наши дни декларативной приверженности к новым концепциям и теориям: для него фронт выступает именно инструментом изучения истории, инструментом, позволяющим открывать новые факты и сюжеты. Вот только изменение «исследовательской оптики» неизбежно влечет за собой сначала переоценку некоторых устоявшихся в историографии мнений, затем отказ от традиционных историографических схем, а затем и перестройку самой логики авторского нарратива в соответствии с новыми фактами и новой историографической схемой, даже если эта схема и не ставится в центр повествования. В результате исследование Д.В. Сени, как пишет В.В. Трепавлов, «содержит заделы для будущих исследований, раскрывает перспективы новых открытий в истории Юга России» (Сень, 2020: 15). Вот только есть в книге Д.В. Сени и неоднозначные моменты, причем речь идет не о случайных ошибках, а о проблемах, порожденных подобным подходом. Автор обращается к читателю, который уже знаком с традиционными историографическими схемами, который уже представляет общий ход событий на русско-крымско-османском пограничье и способен адекватно воспринять описания частных сюжетов без подробного описания их контекста. Как мы уже писали выше, без учета историографической ситуации книга Д.В. Сени может даже сформировать у неподготовленного читателя некорректное представление об описываемых событиях. Но, может быть, это как раз тот путь, который должна пройти историография казачества? Мы начали с того, что с каждым годом растет число относящихся к ней публикаций, но значительная (если не большая) их часть не содержит принципиальной новизны. И там, где выбор стоит между изменением названий хорошо изученных исторических процессов в соответствии с актуальными и модными теориями и изменением самой «исследовательской оптики», полностью меняющим саму суть исследования, но усложняющим адекватное понимание его результатов неподготовленным читателем (и даже историком, изучающим смежные темы) – второй вариант, на наш взгляд, однозначно гораздо более предпочтителен.

### Литература

Басалаева и др., 2020 – Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мизис Ю.А., Мильчев В.И., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сени // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1 (27). С. 81-105.

Васильев, Зудин, 2011 – Васильев И.Ю., Зудин А.И. К вопросу о «многовекторности» развития раннего казачества на Северо-Западном Кавказе // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 6. Краснодар, 2011. С. 21-33.

Волвенко, 2019 – Волвенко А.А. Власть и казачество в эпоху «Великих реформ» Александра II (1860–1870-е гг.). Часть I. На пути к «гражданственности». Таганрог, 2019. 230 с.

Лагно, 2020 – Лагно А.Р. Память, история, политика в Польше и на Украине: подходы к интерпретации переселенческо-депортационных акций 1944-1947 гг. / *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры*. 13-14 октября 2020 г. М., 2020. С. 126-131.

Матвеев, 2013 – Матвеев О.В. Урок краеведам и историкам // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 7. Краснодар, 2013. С. 342-349.

Мининков, 1998 – Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. 510 с.

Наш край..., 1963 – Наш край: Документы по истории Донской области. Ростов-на-Дону, 1963. 574 с.

Никитин, 2018 – Никитин Н.И. Взаимоотношения вольного казачества и российского государства в XVI – начале XVIII в.: историографические подходы и исторические реалии // *Российская история*. 2018. № 5. С. 25-35.

Пронштейн, 1961 – Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. 376 с.



**Сватиков, 1924** – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.

**Сень, 2020** – Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2020. 420 с.

**Тикиджьян, 2010** – Тикиджьян Р.Г. Проблемы историософского осмысления российской «догоняющей» модернизации и процессов трансформации донского казачьего сообщества // *Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России*. Ростов-на-Дону, 2010. С. 468-481.

**Хлыстов, 1962** – Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону, 1962. 331 с.

**Юрченко, 2013** – Юрченко И.Ю. Инновационные методы анализа научных диссертаций (на примере статистического анализа историографии казачества). М., 2013. 159 с.

**Юрченко, 2019** – Юрченко И.Ю. Новейшая историография казачества: статистика и библиография научных публикаций в РИНЦ за 2018 г. // *Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию*. 2019. № 13 (13). С. 118-133.

**Sen', 2020** – Sen' D.V. Frontier research in present-day Russia: shaky boundaries of the academic dialogue // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1 (27). Pp. 66-80.

## References

**Basaleva et al., 2020** – Basaleva, I.P., Dubman, E.L., Mizis, Yu.A., Milchev, V.I., Sen', D.V., Urushadze, A.T., Khodarkovsky, M. (2020). Kak segodnya izuchat' frontiry? Diskussiya po stat'e D.V. Senya [How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen']. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1 (27): 81-105. [in Russian]

**Khlystov, 1962** – Khlystov, I.P. (1962). Don v epokhu kapitalizma. 60-e – seredina 90-kh godov XIX v. [Don land in the era of capitalism. 60s – mid 90s of the XIX century]. Rostov-na-Donu. P. 331. [in Russian]

**Lagno, 2020** – Lagno, A.R. (2020). Pamyat', istoriya, politika v Pol'she i na Ukraine: podkhody k interpretatsii pereselenchesko-deportatsionnykh aktsii 1944-1947 gg. [Memory, History, Politics in Poland and Ukraine: Approaches to Study of Forced Migration 1944-47]. *Slavyanskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury*. 13-14 oktyabrya 2020 g. M. Pp. 126-131. [in Russian]

**Matveev, 2013** – Matveev, O.V. (2013). Urok kraevedam i istorikam [A lesson to local historians and professional historians]. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza*. 7. Krasnodar. Pp. 342-349. [in Russian]

**Mininkov, 1998** – Mininkov, N.A. (1998). Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.) [Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-na-Donu. P. 510. [in Russian]

**Nash kraj..., 1963** – Nash kraj: Dokumenty po istorii Donskoi oblasti [Our land: Documents on the history of the Don region]. Rostov-na-Donu. P. 574. [in Russian]

**Nikitin, 2018** – Nikitin, N.I. (2018). Vzaimootnosheniya vol'nogo kazachestva i rossiiskogo gosudarstva v XVI – nachale XVIII v.: istoriograficheskie podkhody i istoricheskie realii [Mutual relations of the free Cossacks and the Russian state in the 16th – early 18th centuries: historiographical approaches and historical realities]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 25-35. [in Russian]

**Pronshtein, 1961** – Pronshtein, A.P. (1961). Zemlya Donskaya v XVIII veke [Don land in the XVIIIth century]. Rostov-on-Don. P. 376. [in Russian]

**Sen', 2020** – Sen', D.V. (2020). Frontier research in present-day Russia: shaky boundaries of the academic dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1 (27): 66-80.

**Sen', 2020** – Sen' D.V. (2020). Russko-krymsko-osmanskoe pogranich'e: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII – XVIII v.) [Russian-Crimean-Ottoman borderlands: area, phenomena, people (late 17th – 18th centuries)]. Rostov-na-Donu. P. 420. [in Russian]

**Svatikov, 1924** – Svatikov S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]

**Tikidzh'yan, 2010** – Tikidzh'yan, R.G. (2010). Problemy istoriosofskogo osmysleniya rossiiskoi «dogonyayushchei» modernizatsii i protsessov transformatsii donskogo kazach'ego soobshchestva [Problems of the historiosophical understanding of the Russian “catching up” modernization and transformation processes of the Don Cossack community]. *Filosofskaya*

*innovatika i mezhdistsiplinarne problemy gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoi Rossii*. Rostov-na-Donu. Pp. 468-481. [in Russian]

Vasil'ev, Zudin, 2011 – Vasil'ev, I.Yu., Zudin, A.I. (2011). K voprosu o «mnogovektornosti» razvitiya rannego kazachestva na Severo-Zapadnom Kavkaze [About the question of the «multi-vector» development of the early Cossacks in the North-West Caucasus]. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza*. 6. Krasnodar. Pp. 21-33. [in Russian]

Volvenko, 2019 – Volvenko, A.A. (2019). Vlast' i kazachestvo v epokhu «Velikikh reform» Aleksandra II (1860–1870-e gg.). Chast' I. Na puti k «grazhdanstvennosti» [Governance and Cossacks in the Era of "Great Reforms" of Alexander II (1860–1870s). Part I. Towards "citizenship"]. Taganrog. P. 230. [in Russian]

Yurchenko, 2013 – Yurchenko, I.Yu. (2013). Innovatsionnye metody analiza nauchnykh dissertatsii (na primere statisticheskogo analiza istoriografii kazachestva) [Innovative methods for the analysis of scientific dissertations (on the example of statistical analysis of the historiography of the Cossacks)]. M. P. 159. [in Russian]

Yurchenko, 2019 – Yurchenko, I.Yu. (2019). Noveishaya istoriografiya kazachestva: statistika i bibliografiya nauchnykh publikatsii v RINTs za 2018 g. [The newest historiography of the Cossacks: statistics and bibliography of scientific publications in RSCI (RINTS) for 2018]. *Vestnik Nauchno-metodicheskogo soveta po prirodoobustroistvu i vodopol'zovaniyu*. 13 (13): 118-133. [in Russian]

### **Люди пограничья между Российским государством и Османской империей: новая книга Д.В. Сеня**

Артем Юрьевич Перетятко <sup>a, \*</sup>

<sup>a</sup>Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

<sup>b</sup>Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

**Аннотация.** В настоящее время историография казачества переживает небывалый количественный подъем. Однако нельзя говорить о аналогичном качественном подъеме новых исследований. Зачастую даже те работы, в которых говорится о введении в научный оборот новых концептов и идей, не оправдывают ожиданий: их авторы просто переименовывают уже известные процессы, не внося ничего принципиально нового в трактовку этих процессов. Обратным примером удачного применения сравнительно нового исследовательского концепта (концепта фронта) является книга Д.В. Сеня «Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII-XVIII в.)». В ней использование нового концепта является не самоцелью, но инструментом для того, чтобы «изменить необходимую исследовательскую оптику». Как показано в рецензии, подобное «изменение оптики» не только ставит в центр повествования принципиально новые, малоизученные сюжеты, но и меняет саму схему исследования, логику авторского нарратива. В результате для книги Д.В. Сеня характерно повышенное внимание к самим «людям пограничья», история которых выступает самоценной, независимо от связи с российской историей. Правда, неизбежной платой за это становится отеснение более традиционных для историографии сюжетов на периферию повествования.

**Ключевые слова:** Российское государство, Крымское ханство, Османская империя, казачество, концепт фронта, пограничье, вопросы методологии истории, Д.В. Сень.

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [ArtPeretatko@yandex.ru](mailto:ArtPeretatko@yandex.ru) (А.Ю. Перетятко)